

Стихотворения

Родилась в г. Алма-Ата (Казахстан). По образованию юрист, служила в правоохранительных органах, ушла на гражданскую работу в звании старшего лейтенанта. Лауреат и финалист литературных конкурсов разных лет: «45-й калибр», «ПТИЦА-2018», «Эмигрантская лира», «Русский Гофман», «Пятая стихия», «Волошинский сентябрь», «Грушинский фестиваль», «Заблудившийся трамвай». Лауреат 1 степени в номинации «Поэзия» в международном литературном конкурсе «Витебский листопад» (2020 г.), лауреат 1 степени литературного конкурса им. С.Н. Сергеева-Ценского в номинации «Поэзия» (2020). Бронзовый призёр Международного литературного конкурса «9-й открытый Чемпионат Балтии» по русской поэзии 2020», бронзовый призёр Международного литературного конкурса «Кубок мира по русской поэзии 2020». Автор книги стихов «Мирная держава» (г. Волгоград, 2021).

Солдатик

Над крылечком подъезда висит темнота.
Тётя Гуля-уборщица кормит кота
и от грязи дороги спасает.
Много лет длится битва с опавшей листвою,
где она – санитарка, связист, часовой,
запылённый солдатик Аксая.

Руки стёрты, морщинисты, пахнут дождём.
Но пока на притихший стареющий дом
гонит осень свои легионы,
тётя Гуля до ночи стоит на посту,
улыбается ветру, глядит в пустоту.
И летит к ней звезда на погоны.

* * *

Сбереги эту улицу с видом на дом,
затишающий в полдень, гудящий под утро,
менестреля-шмеля, что поёт ни о ком,
опыляя асфальт и дворовую утварь.

Сбереги соловьиную хмарь и забор,
где на досках черны письма и портреты,
и листву – не сметённый газонный декор,
не менявшийся здесь с прошлогоднего лета.

И когда я зачем-то отсюда сбегу,
не заметив, как ночь причитает старухой,
в задымлённую даль и в такую пургу,
от которой не греет любовь и сивуха,

где кусается снег и ползёт в сапоги,
и до самого мая не думает таять,
сбереги этот дом и шмеля сбереги,
положив их в мою заскорузлую память.

* * *

Осенью закончились грачи,
словно их и не было в природе.
Дождь идёт, земля кровоточит,
мир сошёл с ума и сумасбродит.

В сердцевине холода и тьмы,
паники, помноженной на хаос,
мы ещё не поняли, что «мы» –
не местоимение, а статус.

Не горим, не греемся теплом
влажных губ и маленьких гостиниц.
Но уже шагает за углом
нежность, как отважный пехотинец.

И уже не буря во дворе,
а стихи, где хочется остаться,
где рука, зажатая в руке, –
это строчка нового абзаца.

Коктебель

Когда со мной случился Коктебель,
до лета оставалось четверть шага,
рыбачью лодку, словно колыбель,
раскачивали духи Кара-Дага.
Я помню, как дрожали небеса,
окрашенные маревым закатом.
Не тучи, а ставрида и хамса
смотрели с высоты подслеповато.

Покуда ночь из звёзд сплетала сеть,
окутывая наши выходные,

хотелось по-цветаевски взлететь
и рифмы посвящать тебе чудные,
чурчхелу покупать за полцены,
глядеть, как жизнь вращается лениво –
ни окрика чужого со спины,
ни горечи, ни смерти, ни войны,
лишь бабочки, летящие на пиво.

* * *

То, что было – нам со счетов не сбросить.
Подари слова мне, в которых осень
с ноября подёрнута белизной,
а внутри неё колокольни, срубы.
Мы, продрогнув, греем губами губы
на мосту, в бессоннице затяжной.
Псиный лай и холод вокруг собачий.
И луна, как сдутый футбольный мячик,

до утра качается в полынье.
Подари слова, не скупись на звуки.
Наша встреча пахнет всегда разлукой,
чьим-то домом, музыкой, оливье
(оливье вписалось сюда для рифмы).
У любви двойные для нас тарифы,
для неё ни поводов, ни основ.
Потому и смотрит она свинцово.
Ну и пусть! Отдай мне её, как слово,
то, в котором спрятано много слов.

Блаженный Том

В селении, где ширились ухабы,
и церковь не соперничала с пабом
в желании гостям представить рай,
был мир, как скорлупа, непрочно-тесен.
Блаженный Том – хранитель древних песен,
любил подчас висеть, как попугай,

вниз головой на ветке тополиной.
Он громко пел. Но лился над равниной
не звук, а свет, сошедший с языка.
«Чиста вода в уродливом сосуде.
Безумный херувим», – дивились люди,
и шли к нему на свет издалека.

Молчали псы, не жалила крапива,
пока горел огонь неторопливо
в светильнике из музыки и слов.
Склонялось в покаянии селение.
И суть любви являло воскресение,
в котором каждый встречный слышал зов.
«Не слушайте его! – кричал викарий, –
Он меньший из живущих ныне тварей!
Испорченный, гнилой материал!»
Но тёк елей в тумане невесомом,
когда Господь на ветке рядом с Томом
сидел и незаметно подпевал.

* * *

Мне вдали от дома снится чаще,
и не отмахнуться, хоть убей,
Алмата, лежащая, как в чаше,
у тьянь-шаньских каменных цепей.

В зелень, как в чапан, она одета,
капает с макушки пыльный зной
в сонное черешневое лето
с вызревшей единственной звездой.

Вон базар, потеющий от жара,
манит и зовёт издалека.
Маленькую пери из Талгара
узнаю в торговке молока.

Тяжело вздыхаю без причины.
Сон плывёт, цикадами звеня,
и луна с глазами Темучина
по-родному смотрит на меня.

* * *

Помнит август огни заката,
дом в предсердии Астаны,
где сроднился подъезд щербатый
с горькой музыкой тишины,
где любовь по ступеням длинным
шла, не зная, что там обрыв,
где, укутавшись в песни «Спина»,
был я болен, суров, ревнив.

Злился, плакал, стоял часами
у закрытой родной двери.
Дребезжала тоска ключами,
холодящая изнутри.
Но никто не впустил, не обнял.
Ночь качала паучью нить.
Сквозняки усмехались злобно,
и соседка звала курить.

* * *

Когда в чужой стране, в январских лапах,
зажатый в съёмный старый монолит,
почуешь, как тоска к тебе на запах
придёт и по-собачьи заскулит,
седлай коня, закидывай баулы,
езжай тропой, закованной под лёд,
туда, где ветер с песнями Джамбула
седую бездорожицу скребёт.

Пока ковыля выскохшая стружка
с высокого холма слетает в ров,
зажми в ладонях солнце, степь и кружку,
наполненную чаем до краёв.
Здесь дух костра не старится, не меркнет,
земля скрипит, как ветхое седло.
И жизнь благословляет в небе беркут,
и в памяти кочующей светло.

* * *

Под взглядом остывающей зари,
мы, выжженные, словно пустыри,
подсчитываем раны и пропажи.
Обиженно поёт вдали домбра.
Нас больше нет, мы умерли вчера
для бабочек и ангелов бумажных.
Сжигай мосты и с ними догорай.
Как прав был рассудительный Абай,

считая, что в любви течёт отрава.
Глотнёшь, и там, где были миражи,
лишь ворон обездоленный кружит,
и песнь его полынна и картава.

* * *

Сижу под небом черноликим,
сбежав от пропасти и лжи
туда, где осень с птичьим криком
летит за чьи-то гаражи.

Сквозь гобеленовую слякоть
чужая музыка плывёт.
А где-то дом, и впору плакать,
рифмуя сутки напролёт

Где обескровленное солнце,
как точка серая впотьмах.
И одиночество крадётся
с ружьём в охотничьих руках.

подъезды, лестницы, фронтоны,
застывший призрак у дверей,
чьё фото в старом телефоне,
как вспышка памяти твоей.

* * *

Где черти пестуют чертят
в суровый вечер,
и сквозняки со зла скулят
по-человечьи,
где приобщили тишь да гладь
к мечтам о чуде,
я отвыкаю привыкать
к вещам и людям.
Я отвыкаю. В горле ком,
в мозгах морзьянка,
а город пахнет табаком
и валерьянкой.
Иду, прошитая бедой,
на сердце – пластырь,
покуда овнов на убой
уводит пастырь.